СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

М.И. Кутузов: «Сей день есть один из знаменитейших в сию кровопролитную войну…». Сражение при Малоярославце 24(12) октября 1812 года — **2-я стр. обл.**
M.I. Kutuzov: "This day is one of the most famous in this very bloody war…". The Battle at Maloyaroslavets on October 24 (12), 1812

50-летний юбилей Музея-панорамы «Бородинская битва» — **2-я стр. цв. вкл.**
The 50th anniversary of the Museum-panorama "Borodino Battle"

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

«Чтобы с боем взять Приморье…». 90 лет со дня окончания Гражданской войны в России — **4-я стр. цв. вкл.**
"In order to rush the Primorye …". The 90th anniversary of the Civil War's end in Russia

ИСТОРИЯ ВОЙН

В.В. АЛЕКСЕЕВ — «Все были довольны и веселы, а главное — имели хорошие надежды в будущем». Русский и французский лагеря под Тарутиным в их повседневной жизни — **3**
V.V. ALEKSEYEV – *"Everyone was happy and cheerful, and, as the most important, had a good hope in the future". Russian and French camps near Tarutino in their daily life*

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

Ю.А. ФАБРИКА — Сибирь и сибиряки в Отечественной войне 1812 года — **9**
Yu.A. FABRIKA – *Siberia and Siberians in the Patriotic War of 1812*

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В.Л. ГЕРАСИМОВ — Отечественная морская авиация в период 1918—1920 гг. — **14**
V.L. GERASIMOV – *Domestic naval aviation during the period of 1918 —1920*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

Е.В. ДЕМИДЮК — Зенитные бронепоезда ПВО в Великой Отечественной войне — **21**
Ye.V. DEMIDYUK – *Anti-aircraft armoured trains in the Great Patriotic War*

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

О.Р. АДАМОВИЧ — Подготовка военных гидрографов для Военно-морского флота (1862—2012 гг.) — **25**
O.R. ADAMOVICH – *Training of military hydrographic surveyors for the Navy (1862–2012)*

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

О.Ю. СЕМЕНЦОВ — «Русский медведь навалится на Турцию и раздавит её меньше чем через месяц». Противоречивый нейтралитет США во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — **30**
O.Yu. SEMENTSOV – *"The Russian bear will pile on Turkey and crush it in less than a month". Controversial U.S. neutrality during the Russian-Turkish war of 1877–1878*

А. КОЖУХАРОВ — Главный центр повышения квалификации болгарских офицеров. Кронштадт. Минные классы. 1901—1914 гг. — **38**
A. KOZHUKHAROV – *The main centre of career development of Bulgarian officers. Kronstadt. Mine classes. 1901–1914*

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

А.В. КОЗЛОВ — Волынская резня. Украинско-польское вооружённое противостояние в 1943—1944 гг. — **42**
A.V. KOZLOV – *Volyn' massacre. The Ukrainian-Polish armed confrontation in 1943–1944*

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

Т.С. КОМАРОВА —«Едем, братцы, к Порт-Артуру, чтоб содрать с японца шкуру». Мобилизация в Енисейской губернии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. — **45**
T.S. KOMAROVA – *"Let's come, my friends, to Port Arthur, to flay the skin from the Japanese". Mobilization in the Yenisey province during the Russian-Japanese War of 1904–1905*

ИСТОРИЯ РАЗВЕДКИ

О.В. ШИНИН — Организация разведывательной деятельности органами государственной безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 гг. — **53**
O.V. SHININ – *Organization of intelligence activities by the agencies of state security in the Far East in 1922–1941*

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.Ю. РУДНИЦКИЙ — Миссия в Канджут. Памирские экспедиции Б.Л. Громбчевского в Большой игре — **60**
A.Yu. RUDNITSKY – *Mission to Kanjut. The Pamir expeditions under B.L. Grombchevsky in the Big game*

М.Е. ПРОСКУРЯКОВА — «От смертной казни освободить». Борьба с преступностью в Выборгском гарнизоне в начале XVIII века — **68**
M.Ye. PROSKURYAKOVA – *"Free from the death penalty". Struggle against crime in the Vyborg garrison in the early XVIII century*

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

В.В. ПЕНСКОЙ — «Грязевой» поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск в 1502 году — **73**
V.V. PENSKOY – *"Mud" campaign of Prince Dmitry Ivanovich to Smolensk in 1502*

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Поисковый отряд «Надежда» (Публикация В.Д. МАТВЕЕНКО) — **3-я стр. обл.**
Search group "Hope" (Publication of V.D. MATVEYENKO)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Г.П. Кравченко — один из первых дважды Героев Советского Союза — **4-я стр. обл.**
G.P. Kravchenko is one of the first twice Heroes of the Soviet Union

72 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
80 — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

MEMORABLE DATES — 72
INFORMATION ABOUT AUTHORS — 80

«ВСЕ БЫЛИ ДОВОЛЬНЫ И ВЕСЕЛЫ, А ГЛАВНОЕ – ИМЕЛИ ХОРОШИЕ НАДЕЖДЫ В БУДУЩЕМ»

Русский и французский лагеря под Тарутиным в их повседневной жизни

Аннотация. *В статье показывается повседневная жизнь лагерей русской и французской армий осенью 1812 года.*
Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года; Тарутинский лагерь; русская армия; французская армия; повседневная жизнь.*

Summary. *This article the everyday life of camps of Russian and French armys in the autumn of 1812 is shown.*
Keywords: *Patriotic War of 1812; Tarutinsky camp; Russian army; the French arm; an everyday life.*

ЗНАМЕНИТЫЙ фланговый манёвр русской армии, который М.И. Кутузов предпринял после оставления Москвы, как известно, завершился у села Тарутино. Именно здесь был разбит укреплённый лагерь. Пребывание под Тарутиным позволило пополнить действующую армию личным составом, снабдить её вооружением и боеприпасами, необходимой амуницией. Это обеспечило восстановление сил и создало предпосылки для перехода к активным наступательным действиям по разгрому и изгнанию неприятельских войск. Сам марш-манёвр, военно-стратегическая позиция Тарутинского лагеря, происходившие здесь боевые столкновения достаточно подробно освещены в научной литературе[1]. Однако вне поля зрения исследователей оставалась бытовая сторона пребывания воинского контингента в биваке. А ведь это представляет немалый интерес, особенно в рамках такого интенсивно развивающегося направления историографии, как история повседневности.

Только в последнее время стали появляться работы, в которых освещаются отдельные аспекты внебатальной жизни русской и французской армий под Тарутиным[2]. Но полной картины они всё же не дают, поэтому означенная проблема заслуживает более пристального внимания. Ценнейшие сведения о прозаическом обиходе русских воинов и противостоявшего им неприятельского авангарда под командованием маршала И.-Н. Мюрата дают воспоминания и иные свидетельства непосредственных участников Отечественной войны 1812 года. Наиболее содержательными являются мемуары Н.Е. Митаревского (в тот момент подпоручика 7-й артиллерийской бригады 6-го пехотного корпуса), Н.Н. Муравьёва-Карского (тогда прапорщика при Главной квартире под начальством генерал-квартирмейстера полковника К. Толя), генерала Р.Т. Вильсона (английского военного эмиссара при русской армии), Г.У.Л. Рооса (главного хирурга 3-го вюртембергского конно-егерского полка из 2-го корпуса кавалерийского резерва французской Великой армии) и других.

Сам по себе выбор позиции для организации лагеря не был случайным. Находясь подле Тарутина, русское командование могло отслеживать сразу несколько важных дорог — Старую и Новую Калужские, Тульскую, Каширскую, Рязанскую, Боровскую и Серпуховскую, поскольку они проходили неподалёку. Одновременно можно было надёжно прикрыть основные продовольственные районы и базы: Калугу, Трубчевск, Сосницу, а также Тульский оружейный и Брянский литейный заводы. Таким образом, самая важная операционная линия полностью была подконтрольна русским силам.

Тарутино. 1812 г.
Художник А.Ю. Аверьянов

Оторвавшись от преследовавшего её противника, армия вступила в Тарутинский лагерь 21 сентября (3 октября по н.ст.) и вышла из него 11 октября (23 октября по н.ст.). Следует отметить, что отдых был крайне необходим для всего личного состава. Дело в том, что за три месяца отступления от западных границ Российской империи русская армия прошла около тысячи километров. Причём лето 1812 года выдалось необычайно жарким и сухим, почти весь август не было дождей. Случалось, что во время переходов изнурение нижних чинов доходило до крайности. Некоторые падали мёртвыми от перенапряжения, у многих «по истощении всего поту, выступила под мышками кровь»[3]. Зато после оставления Москвы передвигаться иногда приходилось под проливным дождём и по раскисшим дорогам. Снабжение войск провиантом было далеко не всегда удовлетворительным, солдаты часто недоедали и впроголодь переносили все тяготы походной

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Аннотация. *В статье рассказывается о мужестве и героизме воинов-сибиряков в сражениях Отечественной войны 1812 года, о вкладе в победу над наполеоновскими войсками сибирского тыла.*
Ключевые слова: *Отечественная война 1812 года; Бородино; 24-я пехотная дивизия; Сибирь.*

Summary. *The article tells about the courage and heroism of soldiers from Siberia during the Patriotic War in 1812, the contribution of the Siberian rear to the victory over Napoleon's troops.*
Keywords: *Patriotic War of 1812; Borodino; the 24th Infantry Division; Siberia.*

Отечественная война 1812 года — один из самых драматических и вместе с тем значительных по своим последствиям моментов русской истории. В ней всё захватывает и заставляет работать научную мысль. В ней и в тех событиях, которые после неё развернулись, найдут неисчерпаемый кладезь и художник, и социолог, и политик, и дипломат[1].

Вторжение в наше Отечество полчищ Наполеона, угроза самой независимости России вызвали у сибиряков чувство величайшего патриотизма, готовность к самопожертвованию в борьбе за Родину. Сибирские полки[2] участвовали во всех сражениях Отечественной войны, в числе первых они встретили неприятеля у Немана, героически сражались у стен горевшего Смоленска, насмерть стояли на Бородинском поле, в составе победоносной русской армии вошли в Париж.

ЭПИЦЕНТРОМ, главным событием Отечественной войны 1812 года, несомненно, является знаменитое сражение 26 августа (7 сентября) неподалёку от Можайска, у села Бородина, вошедшее с тех пор в историю как немеркнущий символ мужества, патриотизма и героизма русского народа.

В соответствии с «Диспозицией для 1-й и 2-й Западных армий, при селе Бородине расположенных августа 24 дня 1812 г.» среди войск правого крыла находились Тобольский и Селенгинский пехотные полки.

На Курганной высоте, являвшейся важнейшим опорным пунктом русской позиции, было возведено сильное укрепление, имевшее прекрасный обстрел по направлению Новосмоленской дороги, левого берега Колочи и подступов к Шевардинской передовой позиции. Это укрепление, игравшее огромную роль во время сражения, известно под названием батареи Раевского, или Курганной.

Оборона батареи Н.Н. Раевского поручалась войскам, расположенным в центре, где стояли 6-й пехотный и находившийся позади него 3-й кавалерийский корпуса, оба под командованием генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. В состав 6-го корпуса входила 24-я пехотная дивизия генерал-майора П.Г. Лихачёва (Уфимский, Ширванский, Бутырский, Томский пехотные полки, 19-й и 40-й егерские полки, а также артиллерийский дивизион)[3]. Всего в 6-м пехотном корпусе было 28 батальонов с двумя артиллерийскими ротами численностью 9900 человек с 24 орудиями. В 3-м кавалерийском корпусе генерал-адъютанта Ф.К. Корфа наряду с драгунскими полками — Курляндским, Оренбургским находились Сибирский и Иркутский драгунские полки (генерал-майор К.А. Крейц). Всего в центре имелись войска в количестве 13 600 человек. В числе войск левого крыла находился Сибирский гренадерский полк[4].

Утром 26 августа началось знаменитое Бородинское сражение, в котором сибирские полки стяжали неувядаемую славу. Доблестная 24-я пехотная дивизия сибиряков героически обороняла Смоленск; смертью храбрых пала она на Бородинском поле, защищая батарею генерала Раевского[5]. Тобольский пехотный полк, построившись в каре, выдержал и отбил шесть атак неприятельской кавалерии, до ночи задержав на фланге продвижение французской конницы. Сибирский и Иркутский драгунские полки принимали участие в кавалерийской схватке, развернувшейся за ключевую позицию Бородинского поля — Курганную батарею. То была, по словам генерал-фельдмаршала (1814) М.Б. Барклая-де-Толли, «кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся». В Сибирском драгунском полку остались лишь 125 рядовых и три офицера. Томский пехотный полк выдержал наиболее ожесточённые атаки противника, так как был расположен на самой батарее Раевского. В итоге в бою 26 августа 1812 года Томский и Тобольский полки потеряли более половины личного состава. 95-й Красноярский полк, отбивая атаки Морана и Брусье, потерял 20 офицеров и 712 нижних чинов. Совсем немного осталось людей в Бутырском, Ширванском, Уфимском, 19-м и 40-м егерских полках[6]. 24-я дивизия потеряла убитыми 858 человек, ранеными — 815, пропавшими без вести — 805 человек.

За мужество и героизм, проявленные в боях с неприятелем, 9-й Сибирский гренадерский полк получил Георгиевские трубы за 1812 год и знаки на шапки за 1812—1814 гг.; 38-й Тобольский пехотный полк — Георгиевское знамя за 1812 год и серебряные трубы за взятие Монмартра; 41-й Селенгинский пехотный полк — поход (особый барабанный бой при отдании чести, жалуемый за военное отличие. — **Ю.Ф.**) за отличие в 1812 году; 43-й Охотский пехотный полк — Георгиевское знамя за 1812—1814 гг.; 44-й Камчатский пе-

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ МОРСКАЯ АВИАЦИЯ В ПЕРИОД 1918–1920 гг.

Аннотация. *В статье рассказывается о наиболее сложном периоде в истории отечественной морской авиации в 1918—1920 гг.*
Ключевые слова: *Российский военный флот; морская авиация; Гражданская война 1918—1920 гг.; Всероссийский комитет воздушного флота (ВКВФ).*

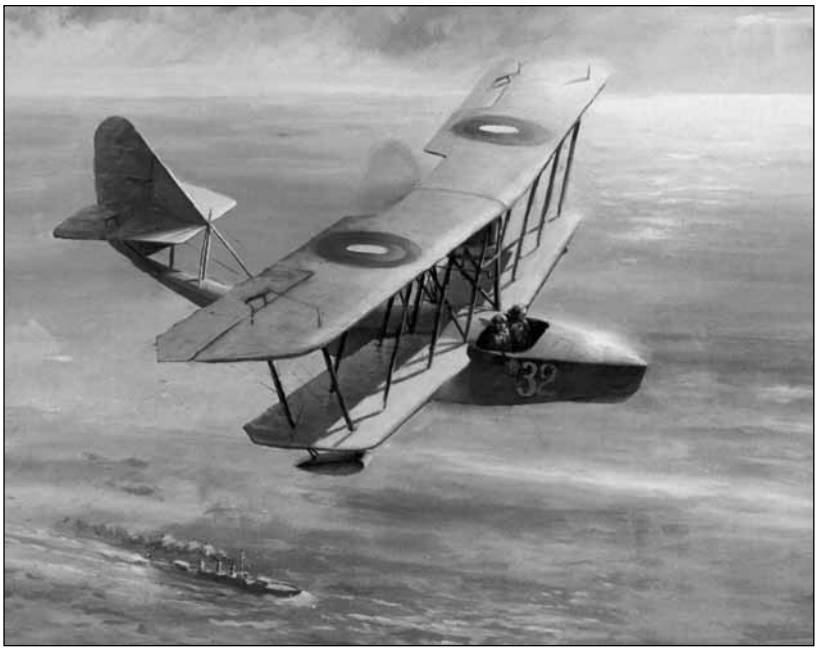
Summary. *The article describes the most difficult period in the history of the national naval aviation in 1918—1920.*
Keywords: *Russian Navy; naval aviation; Civil War of 1918—1920; All-Russian Committee of the Air Fleet.*

Один из самых сложных периодов в истории отечественной морской авиации пришёлся на 1918—1920 гг., когда она принимала активное участие в Гражданской войне и организационно продолжала входить в состав флота. В результате произошедших в стране событий к началу 1918 года вчерашние сослуживцы по морской авиации Российского военного флота оказались по разные стороны баррикад: почти все младшие авиационные специалисты на стороне большевиков, а подавляющая часть офицерского состава авиации флота стали участниками Белого движения или эмигрировали из страны.

20 ДЕКАБРЯ 1917 года (2 января 1918 г. по новому стилю) появился приказ по армии и флоту за № 4 об объединении морской и сухопутной авиации и подчинении всей авиации коллегии из представителей: Народного комиссариата по военным делам; Народного комиссариата по морским делам; Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; Центрального совета фабрично-заводских комитетов; Всероссийского центрального совета профессиональных союзов; Всероссийского совета авиации и воздухоплавания; рабочих авиационных заводов. Всего 7 человек[1].

Но на практике этот приказ реализован так и не был. Против него выступили руководство Управления морской авиации и воздухоплавания (УМАиВ) и нарком по морским делам П.Е. Дыбенко. Подготовленный моряками доклад был рассмотрен на заседании Законодательного совета морского ведомства 2(15) января 1918 года. Результатом заседания стало принятие решения о приостановке приказа об объединении морской авиации с сухопутной и разработке документа по взаимодействию УМАиВ с Всероссийской коллегией по управлению Красным воздушным флотом. Дальнейшим шагом Наркомата по морским делам стал приказ по флоту от 6 марта 1918 года, в котором указывалось: «1. Все авиационные части и школы сохраняются, причем личный состав этих частей обязуется приложить все усилия к сбережению имеющегося в их распоряжении имущества. 2. По мере хода демобилизации центральным авиационным комитетам морей надлежит стягивать авиационные части, потерявшие боевое значение, при условии сохранения тех частей, которые необходимы для воздушной связи в Балтийском море — на северном берегу между Або, Гельсингфорсом и Петроградом и в Чёрном море — между Одессой и Поти»[2].

Гидроаэроплан в полёте
1919 г.



Активная деятельность Морского генерального штаба (МГШ) по сохранению морской авиации в составе флота принесла свои плоды. На основании доклада МГШ от 27 апреля 1918 года увидел свет приказ по армии и флоту от 20 мая 1918 года № 3, вновь передавший управление всей советской морской авиацией в подчинение Народного комиссариата по морским делам[3].

По мнению Всероссийского комитета воздушного флота (ВКВФ), необходимо было всё равно создавать в РСФСР единое мощное авиационное ведомство, в котором имелось бы морское отделение в отделе применения Управления воздушного флота. «Также приемлемым признавалось оперативное подчинение авиации флотам на тех же

ЗЕНИТНЫЕ БРОНЕПОЕЗДА ПВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. *В статье рассказывается о действиях зенитных бронепоездов ПВО в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.*
Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; ПВО; зенитные бронепоезда; сопровождение эшелонов.*

Summary. *The article tells about the actions of anti-aircraft armored trains during the Great Patriotic War of 1941—1945.*
Keywords: *Great Patriotic War of 1941—1945; air defence; anti-aircraft armoured train; train escort.*

Одним из опорных элементов манёвренной противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны были зенитные бронепоезда. Они сыграли существенную роль в обеспечении ПВО крупных узлов и участков железнодорожной инфраструктуры, сопровождении эшелонов с грузами особого назначения.

ПЕРВЫЕ бронепоезда появились в России в начале XX века и представляли собой, как тогда говорили, «крепости на колёсах». Оснащённые самой совершенной по тем временам техникой и артиллерийским вооружением, они были грозной силой в борьбе с пехотой и конницей врага. Развитию бронепоездов значительное внимание уделялось и в СССР в предвоенные годы[1].

По состоянию на 22 июня 1941 года Красная армия имела 53 бронепоезда (из них 34 относились к классу лёгких), в составе которых были 53 бронепаровоза, 106 артиллерийских бронеплощадок, 28 бронеплощадок ПВО и более 160 бронеавтомобилей, приспособленных для движения по железной дороге, а кроме того, 9 бронедрезин и несколько моторных броневагонов.

Как высшая постоянная тактическая единица рассматривался дивизион бронепоездов (2—3 бронепоезда, один из которых тяжёлый). В первом периоде Великой Отечественной войны бронепоезда не оправдали возлагавшихся на них надежд в качестве ударного атакующего средства, а превратились в довольно лёгкую мишень для немецких танков и авиации. Это происходило оттого, что в условиях привязанности к железным дорогам, быстрых танковых фланговых охватов советские бронепоезда очень часто оказывались отрезанными от своих баз и быстро отходивших на восток войск.

Имевшие большие размеры, слабое бронирование и недостаточное зенитное вооружение, бронепоезда не могли противостоять прицельным атакам пикирующих бомбардировщиков. К середине осени 1941 года большинство бронепоездов были либо уничтожены в бою, либо взорваны собственными экипажами с целью недопущения захвата их немцами в качестве трофеев. Иная военная судьба была уготована зенитным бронепоездам.

Первые годы Второй мировой войны со всей очевидностью продемонстрировали беззащитность железнодорожных узлов, коммуникаций и перевозок по ним от прицельных бомбово-штурмовых ударов авиации. Железнодорожная инфраструктура была приоритетной целью для авиации потому, что в основном по ней осуществлялось снабжение армий вооружением, боеприпасами, резервами, горючим и пр. Достаточно сказать, что для подготовки наступательной операции одной только армии надо было доставлять ежесуточно десятки эшелонов различных грузов. При этом лишь артподготовка перед началом наступления требовала сотен вагонов снарядов, и задержки в железнодорожном движении или срыв графика доставки военных грузов могли отодвинуть сроки начала операций, повлечь серьёзные стратегические последствия.

Поэтому с учётом уроков полыхавшей в Европе войны для защиты воинских эшелонов постановлением СНК СССР № 198-97 от 25 января 1941 года «Об организации противовоздушной обороны» в состав частей ПВО обороны тыла предписывалось ввести 180 железнодорожных платформ под зенитно-пулемётные взвода ПВО для сопровождения воинских эшелонов, формировавшихся на военный период. Однако времени для воплощения задуманного практически не оставалось.

Первый период Великой Отечественной войны характеризовался массовым перемещением по железным дорогам: на восток — эвакуируемого населения и военно-промышленного потенциала, а на запад — войск и вооружения из тыловых районов СССР. Масштабы перемещения не имели исторической аналогии. Так, менее чем за 4 месяца по железным дорогам на восток были эвакуированы более 1500 крупных и средних предприятий промышленности (экономического потенциала СССР), около 28 млн человек, огромное количество техники народнохозяйственного значения. Для восполнения потерь Красной армии из внутренних военных округов в пункты сосредоточения были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений. Для этого были за-

Бронепоезд

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ ГИДРОГРАФОВ ДЛЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (1862—2012 гг.)

Аннотация. *В статье освещаются проблемы подготовки отечественных флотских гидрографов в 1862 — 2012 гг.*
Ключевые слова: *Военно-морской флот; история российской гидрографии; академическое обучение и морская практика; мирная учёба и боевая деятельность; знаменитые гидрографы.*

Summary. *The article highlights the problems of training of national naval hydrographers in the 1862—2012.*
Keywords: *Navy; history of the Russian hydrography; academic training and seamanship; peaceful training and military activities; famous hydrographers.*

ИСТОРИЯ отечественной гидрографии неразрывно связана с зарождением и развитием Военно-морского флота (ВМФ). Ведь для обеспечения безопасности плавания кораблей и судов нужны были достоверные сведения об океанах и морях, получение и обобщение которых могли осуществлять квалифицированные специалисты. Их же нужно было где-то учить, что и послужило веской причиной появления в составе созданного в 1862 году Академического курса морских наук гидрографического отделения[1]. Именно с этого времени ведёт отсчёт своей истории нынешняя кафедра навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения Военного учебно-научного центра ВМФ «Военно-морская академия» имени Н.Г. Кузнецова. За полуторавековой период она смогла подготовить свыше тысячи офицеров для соответствующих корабельных и береговых служб[2].

Упомянутый Академический курс просуществовал недолго — всего 15 лет, но и за этот короткий период обучение на его гидрографическом отделении прошли около полусотни офицеров, что по тому времени было значительным вкладом в дело подготовки «дефицитных» кадров[3].

После упразднения (1877 г.) Академического курса морских наук была образована Николаевская морская академия, тоже имевшая гидрографическое отделение с двухгодичным сроком обучения. С 1877 по 1914 год она произвела 18 выпусков, подготовив для ВМФ более 100 гидрографов[4].

С началом Первой мировой войны (1914 г.) занятия в академии были прекращены, что не могло не отразиться на увеличении дефицита гидрографов. Так, из выступлений на созванном во второй половине 1919 года, то есть уже при советской власти, особом совещании стало очевидно, что корпус гидрографов за последние пять лет, в том числе и в ходе боевых действий, понёс большие потери. Из-за этого, отмечали участники совещания, Главное гидрографическое управление встречает затруднения в пополнении своего состава специалистами, получившими нужную подготовку. В нём на то время имелись только три гидрографа-геодезиста с академическим образованием, которые могли быть полноценными руководителями гидрографических работ на море. В связи с этим вполне своевременным было решение открыть в Морской академии гидрографический отдел с уточнением его задачи. Ему предстояло дать флоту специалистов с основательными общими знаниями в области математики, механики и физики и подготовленных к применению научных методов в области гидрографии и геодезии. В порядке уточнения конкретного направления деятельности отдела предлагался перечень дисциплин, подлежавших изучению, и определялись базовые основы для составления программ по каждому предмету[5].

С возобновлением занятий в академии началась (4 октября 1920 г.) и подготовка офицеров по гидрографической специальности. С 1923 года, когда отделы в ней переименовали в факультеты, и до 1931-го подготовка специалистов высшей квалификации по гидрографической и штурманской специальностям велась по единому

ОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Въ Бозѣ почивающимъ Родителемъ Нашимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, для высшаго образованія морскихъ офицеровъ, учрежденъ былъ въ 1827 году, при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, офицерскій классъ, въ 1862 году преобразованный, по ходатайству Вашего Императорскаго Высочества, въ морской академическій курсъ.

Нынѣ, когда со дня основанія офицерскаго класса минуло пятьдесятъ лѣтъ, и полезная служба многочисленныхъ воспитанниковъ этого учебнаго заведенія вполнѣ оправдала надежды его незабвеннаго Основателя, Я призналъ достойнымъ переименовать существующій нынѣ морской академическій курсъ въ Николаевскую Морскую академію и, для большаго преуспѣянія ея, назначилъ Ваше Императорское Высочество почетнымъ Президентомъ академіи.

При этомъ мнѣ весьма отрадно выразить Вашему Императорскому Высочеству мою искреннюю и душевную признательность, за неусыпные Ваши труды, направленные къ возвышенію и распространенію морскаго образованія на флотѣ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«искренно Васъ любящій и благодарный

АЛЕКСАНДРЪ»

С.-Петербургъ,
26-го января 1877 г.

Высочайший рескрипт
1877 г.

учебному плану и программам, принятым ещё в 1920 году (для слушателей первого выпуска). Вместе с тем в зависимости от подготовки обучаемых каждого приёма вносились отдельные изменения и дополнения, а для будущих гидрографов (второй и последующие выпуски) был введён отдельный курс.

В 1931 году учёный совет Военно-морской академии (ВМА) поставил вопрос о необходимости подготовки на гидрографическом факультете офицеров «узкой специализации» вместо существовавшей до этого практики выпуска гидрографов «широкого профиля», что нашло отражение в акте проверочной комиссии Реввоенсовета СССР. По её заключению следовало: «На гидрографическом факультете ввести специализации: а) штурманскую; б) по обеспечению мореплавания; в) гидрографическую; г) гидромете-

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ НАВАЛИТСЯ НА ТУРЦИЮ И РАЗДАВИТ ЕЁ МЕНЬШЕ ЧЕМ ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ»

Противоречивый нейтралитет США во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Аннотация. *В статье исследуются проблемы отношений России с европейскими странами и США во время Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.*
Ключевые слова: *Освободительная война России; нейтралитет США; амбиции Великобритании и Австро-Венгрии; Сан-Стефанский мирный договор.*

Summary. *The article studies the problems of Russia's relations with European countries and the United States during the Russian-Turkish war of 1877—1878.*
Keywords: *liberation war in Russia; U.S. neutrality; ambitions of Great Britain and Austria-Hungary; San Stefano peace treaty.*

О ВОЗМОЖНОСТЯХ вооружённого столкновения России и Турции* дипломаты Соединённых Штатов Америки стали информировать своё руководство ещё до начала основных событий. Когда в начале ноября 1876 года Россия в ультимативном порядке потребовала от турецкого правительства заключения шестинедельного перемирия с Сербией, пригрозив разрывом дипломатических отношений и отзывом российского посла из Константинополя, американский посланник в Петербурге Бокер, извещая о том правительство США, выражал серьёзное беспокойство относительно развязки ситуации[1]. Пять месяцев спустя секретарь американской миссии в России Аткинсон сообщал: «Все попытки разрешить восточный вопрос мирным путём потерпели провал… В России больше не осталось надежды на то, что войны удастся избежать… разве что свершится чудо дипломатии… Военные приготовления идут в спокойной, сдержанной манере, в отличие от того энтузиазма, которым сопровождалось ожидание данного конфликта в прошлом году… Шансы на мир малы, но во имя страны, которая всегда была нашим другом и высоко ценила наш народ, я ревностно надеюсь на то, что следующие несколько дней смогут предложить иной сценарий развития событий»[2].

Однако этим оптимистическим ожиданиям не суждено было сбыться. 12(24) апреля Россия объявила Турции войну**.

В направлявшихся в Вашингтон из американской миссии дипломатических депешах просматривается чёткое понимание того, какими последствиями (экономическими, политическими, социальными) чревато это столкновение для России. Сообщая, что страна не готова к нему ни в финансовом, ни в военном отношении, Бокер вместе с тем отмечал высокую популярность антитурецких настроений в широких слоях российского общества, и прежде всего в армии. Размышляя о причинах войны, он исходил из убеждения, что это вынужденная мера, что «и император, и князь Горчаков*** жаждут мира ради мира и считают, что «интересы России требуют от неё длительного периода спокойствия для развития государства и благополучия народа»[3], что «Россия своим вмешательством в восточный вопрос ищет не расширения своей территории… а улучшения условий для христиан Турции»[4].

Зная о неготовности России вести боевые действия, американские политики, используя падкую на сенсации и интриги прессу, пытались, создаётся впечатление, настраивать против «северного медведя» мировую общественность. Тот же Бокер, которого начало войны застало в домашнем отпуске, в одном из интервью филадельфийской газете высказал предположение, что война не будет слишком продолжительной, а Россия выполнит стоящие перед ней задачи, если Турция не найдёт себе союзника или союзников. Своё «резюме» он, дескать, вынес из разговора с «одним высокопоставленным офицером, состоящим на турецкой службе». Тот ему «доверительно» сказал, что «состояние турецких войск не позволяет им противостоять армии, укомплектованной в соответствии с современными принципами ведения войны, и что без помощи извне русская армия будет стоять у Константинополя не позднее, чем через шесть недель»[5]. А корреспондент популярного в США издания, следовавший к театру военных действий, поведал своему коллеге, что «надеется вернуться домой к осени, когда русские, закончив войну, будут господствовать в Азии и распоряжаться Константинополем». Такую уверенность ему якобы внушил шеф командировавшей его газеты, заявивший: «Русский медведь навалится на Турцию и раздавит [её] меньше чем за месяц»[6].

Уведомляя Вашингтон месяц спустя[7] о вступлении в войну и ориентируясь на заверения госсекретаря США Эвартса о соблюдении «всех обязательств нейтральной державы», поскольку возникший конфликт «в силу удалённости Соединённых Штатов от театра» может затрагивать их «лишь косвенно»[8], российское правительство не совсем доверяло подобным высказываниям[9]. За всю историю независимости Америки она не так уж активно прояви-

* Войну против Турции в 1877—1878 гг. Россия вела с целью ликвидировать господство Османской империи на Балканах и Чёрном море.

** Предлогом для начала военных действий стал отказ Турции принять проект автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, выработанный европейскими державами по инициативе России (см.: Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2003. Т. 7. С. 319).

*** А.М. Горчаков, являвшийся в то время министром иностранных дел, сумел обеспечить нейтралитет европейских держав в войне.

ГЛАВНЫЙ ЦЕНТР ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ БОЛГАРСКИХ ОФИЦЕРОВ

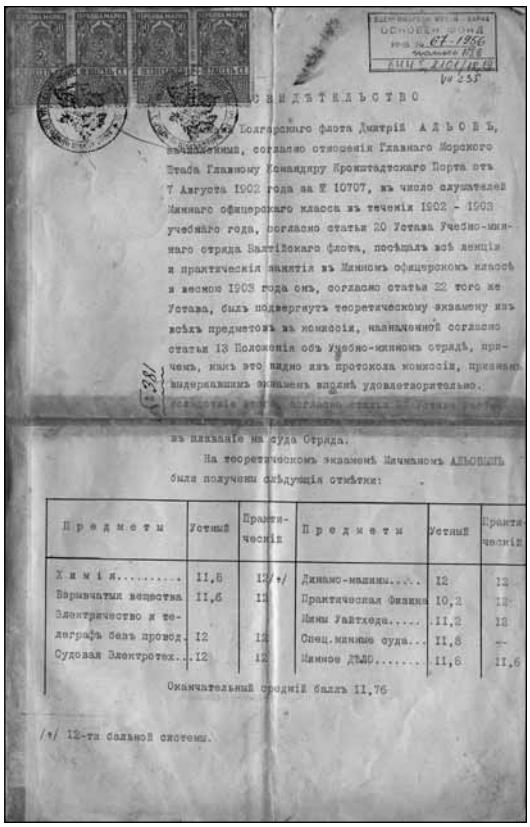
Кронштадт. Минные классы. 1901—1914 гг.

Аннотация. *В статье освещаются основные проблемы обучения болгарских офицеров в 1901—1914 гг. в Минных офицерских классах, находившихся в Кронштадте.*
Ключевые слова: *Россия; Болгария; Кронштадт; Минные офицерские классы.*

Summary. *The article highlights the main problems of teaching the Bulgarian officers in 1901—1914 in the Kronstadt mine officer classes.*
Keywords: *Russia; Bulgaria; Kronstadt; mine officer classes.*

В НАЧАЛЕ прошлого века неотъемлемой частью подготовки болгарских морских офицеров было постоянное повышение их квалификации. Большая часть из них проходила переподготовку за рубежом, включая и военные образовательные структуры морского ведомства Российской империи. Наиболее многочисленную группу, как правило, составляли слушатели Минных офицерских классов (г. Кронштадт). Само обучение здесь в некоторых научных публикациях не совсем точно трактуется как «периферийная проблема» становления болгарского флота, причём то в канун Балканских войн (1912—1913 гг.), то в период 1879—1912 гг.[1] В действительности же подготовка болгарских офицеров в России продолжалась до 1914 года. Кроме того, в современных публикациях допускаются ошибки в её оценках, к тому же Минные офицерские классы порой принимаются за Морское инженерное училище императора Николая I, которое тоже находилось в Кронштадте[2]. Документы из болгарских, русских и германских архивов, современные методы исследовательской работы[3] позволяют избегать подобных неточностей, а также исправлять не совсем верные данные о болгарах — воспитанниках Минных офицерских классов[4].

Есть основания считать, что первым болгарином, окончившим в 1893 году офицерские классы под началом морского ведомства России (Классы минных механиков), был Димитър Георгиев Чучулев. Правда, до этого он значился воспитанником Технического училища того же ведомства и в том же городе, Кронштадте. В Российском императорском флоте его знали как Дмитрия Чучугина, инженера-механика, капитана 1 ранга, присягнувшего императору Александру III и ставшего подданным русского царя[5]. Ему не было суждено служить в княжеской флотилии и морской части, как тогда официально назывался болгарский флот, где с конца XIX века в «минных механиках» (механик торпедного оружия) пребывал француз Алфонс Брюн[6]. Поскольку во время обучения Чучугина (Чучулева) минному делу дипломатические отношения между Российской империей и Болгарским княжеством (с 1908 г. — царство) оказались прерванными, Болгария отправляла своих строевых офицеров повышать квалификацию в области минного оружия в Австро-Венгрию (г. Фиума)[7]. В 1901 году в Артиллерийские классы в Россию отправили одного болгарского офицера, а в Минные — двух: мичмана I разряда Георга Николова Даскалова и мичмана II разряда Богдана Христова Ганчева[8]. Начиная с этого времени столь популярное в Болгарии заведение без пропусков в течение более десяти лет принимало на обучение болгарских слушателей. Так, Рашко Русев Серафимов, окончив его, прошёл, став первым болгарским подводником, ещё и курс Учебного отряда подводного плавания[9], Никола Захариев Фурнаджиев — Водолазную школу[10], а Богдан Христов Ганчев — Гидрографический отдел Николаевской морской академии[11].



СВИДѢТЕЛЬСТВО

Болгарскаго флота Дмитрій АЛЬОВЪ, зачисленнымъ, согласно отношенія Главнаго Морского Штаба Главному Командиру Кронштадтскаго Порта отъ 7 Августа 1902 года за № 10707, въ число слушателей Минныго офицерскаго класса въ теченіи 1902 - 1903 учебнаго года, согласно статьи 20 Устава Учебно-минныго отряда Балтійскаго флота, посѣщалъ всѣ лекціи и практическія занятія въ Минномъ офицерскомъ классѣ и весною 1903 года онъ, согласно статьи 22 того же Устава, былъ подвергнутъ теоретическому экзамену изъ всѣхъ предметовъ въ комиссіи, назначенной согласно статьи 13 Положенія объ Учебно-минномъ отрядѣ, причемъ, какъ это видно изъ протокола комиссіи, принявъ выдержавшимъ экзаменъ вполнѣ удовлетворительно.

въ никазаніе на суда Отряда.

На теоретическомъ экзаменѣ Мичманомъ АЛЬОВЪ были получены слѣдующія отмѣтки:

Предметы	Устный	Практическія	Предметы	Устный	Практическія
Химія.....	II,5	12/+/	Динамо-машины.....	I2	I2
Взрывчатыя вещества	II,6	I2	Практическая минная	I0,2	I2
Электричество и телеграфъ безъ провод.	I2	I2	Мины Уайтхеда.....	II,2	I2
Судовая Электротех...	I2	I2	Спец. минные суда...	II,8	--
			Минное дѣло.....	II,6	II,6

Окончательный средній баллъ II,76

/+/ 12-ти балльной системы.

Свидетельство Д. Альова об окончании Минных офицерских классов

Обучавшиеся в России на минёров приобретали и другие, «побочные» профессии. К примеру, после Русско-японской войны (1904—1905 гг.) учебные программы Минных классов постоянно претерпевали изменения, вызванные бурным развитием техники и вооружения. Офицеры-выпускники, назначавшиеся на корабли и в береговые части «по минному делу», дополнительно, как пра-

ВОЛЫНСКАЯ РЕЗНЯ

Украинско-польское вооружённое противостояние в 1943—1944 гг.

Аннотация. *Автор проанализировал попытки западноукраинских историков и журналистов уменьшить вину украинских националистов в украинско-польском вооружённом противостоянии в 1943—1944 гг.*
Ключевые слова: *Западная Украина; немецко-фашистская оккупация; украинские националисты; Волынская резня.*

Summary. *The author analyzed the attempts of Western Ukrainian historians and journalists to reduce the guilt of Ukrainian nationalists in the Ukrainian-Polish armed confrontation in 1943—1944.*
Keywords: *Western Ukraine; Nazi occupation; Ukrainian nationalists; Volyn' massacre.*

УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОЕ вооружённое противостояние на Волыни в 1943—1944 гг. вошло в историю под названием «Волынская резня». В ходе этого конфликта, по польским данным, украинские националисты истребили более 36 тыс. человек[1]. Западноукраинские историки и журналисты в последние годы манипулируют цифрами и фактами, стремясь уменьшить вину головорезов Украинской повстанческой армии (УПА) или опровергнуть их участие в геноциде польского населения, представить убийства мирных поляков ответом УПА на польский террор против украинского населения Холмщины[2] и Волыни. Прологом этих событий они считают убийства поляками представителей украинской интеллигенции на Холмщине в 1942—1943 гг.[3], связывают акции отрядов украинских националистов против польского населения с действиями польской полиции. Например, убийство в Порицке (полное название — Старый Порицк) Иваничевского района Волынской области большой группы мирных поляков — с убийством немцами и польскими полицаями двенадцати человек в селе Нехвороща и девяти — в селе Хмелева 20 мая 1943 года[4].

Встречаются утверждения типа того, что «многие из погибших украинцев принадлежали к “полувоенным” подразделениям самообороны (по-украински — самооборонним кущовим відділам — СКВ), а также к гражданской, иногда вооружённой сети ОУН»[5] (Организации украинских националистов). Это, по мнению автора цитаты, позволяет рассматривать действия польских вооружённых формирований как военные преступления против мирного украинского населения[6]. Уместно вспомнить, что термина «иногда вооружённая сеть» в международном гуманитарном праве нет, его «изобретение» указывает на уровень «научности» аргументов западноукраинских историков.

Костёл в Порицке

Ещё одно направление фальсификации истории Волынской резни — попытки доказать, будто виновниками гибели мирного польского населения были не только польские отряды управления безопасности (Urząd Bezpieczeństwa) и крестьянские батальоны поляков (Bataliony Chłopskie), но и советские партизанские отряды, а также спецгруппы, якобы замаскированные «под украинских националистов»[7].

Причину этих обвинений раскрыл один из современных украинских авторов: «Часто свои акции боевики (УПА. — **А.К.**) пытались маскировать под действия советских партизан, чтобы отвести от собственных сил гнев немецких карательных отрядов»[8].

Переодевание в советскую и немецкую форму было привычным приёмом вооружённого оуновского подполья, использованным, например, 11 июля 1943 года в Порицке при уничтожении в костёле большой группы мирных поляков (по разным источникам — от 62 до 180 человек). Эти факты отражены в документах гражданского представительства польского эмигрантского правительства: «В течение 11—13 июля банды почти одновременно напали на несколько сёл, расположенных рядом с Порицком. В состав банд входили украинские крестьяне из сёл Самоволя, Грушев, Печихвосты, Стрельцы. Кроме мужчин, в этих бандах можно было увидеть женщин и подростков. Украинцы имели разнообразное оружие, начиная от пулемётов и гранат и заканчивая лопатами и вилами... Вследствие нападения украинцев,

«ЕДЕМ, БРАТЦЫ, К ПОРТ-АРТУРУ, ЧТОБ СОДРАТЬ С ЯПОНЦА ШКУРУ»

Мобилизация в Енисейской губернии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.

Аннотация. *В годы Русско-японской войны Красноярск и прилегающие к железной дороге населённые пункты образовали транзитный путь для перевозки российского военного контингента на Дальний Восток. Это создавало большие трудности для Енисейской губернии, связанные с размещением войск, обеспечением их всем необходимым, сохранением порядка при скоплении большой массы людей и т.д.*

Ключевые слова: *Русско-японская война; Енисейская губерния; мобилизация запасных, ратников, новобранцев; казачий дивизион; транзит войск через губернию на Дальний Восток.*

Summary. *During the Russian-Japanese War the city of Krasnoyarsk and other localities adjacent to the railroad became a transit route for transporting Russian troops to the Far East. This situation created great difficulties for the Yenisey Province related to deployment of troops, providing them with everything necessary, keeping the order during accumulation of large masses of people, etc.*

Keywords: *Russian-Japanese War; Yenisey Province; mobilization of reservists, warriors, recruits; Cossack division; transit of troops through the province to the Far East.*

В ПЕРИОД войны между Россией и Японией 1904—1905 гг. через территорию ставшей ближайшим тылом Енисейской губернии на Дальний Восток двинулись войска, грузы, лошади. Как складывалась экономическая, политическая, социальная жизнь этой губернии в течение полутора военных лет, каким образом использовались её местные ресурсы? В научной литературе о месте и роли Енисейской губернии этого периода имеется весьма скудная информация. В данной статье сделана попытка проанализировать один из эпизодов жизни губернии, связанный с мобилизацией запасных, ратников, казаков, новобранцев и транзитом войск из разных частей России через Красноярск.

29 января* 1904 года по Красноярску были расклеены объявления уездного по воинской повинности присутствия, следуя которым запасные чины государственного ополчения обязывались явиться для получения призывных документов. От призыва освобождались или получали отсрочку те, кто обслуживал железную дорогу, служил и работал в железнодорожных мастерских, рабочие на золотых приисках. Разрешалась отсрочка призыва на шесть месяцев командирам, лоцманам и машинистам частных и казённых пароходов, которую затем продлили до окончания навигации сначала 1904-го, а затем и 1905 года[1]. Служащие лесничеств, уже отправленные на фронт, отзывались обратно по месту работы. В феврале 1905 года Управление сибирской железной дороги отказалось от возвращения запасных, до войны занимавшихся заготовкой леса, считая нецелесообразным отзывать людей, прослуживших в действующей армии год. Только из лесной стражи Управления государственных имуществ Енисейской губернии мобилизовали 67 человек. Освобождённым от воинской службы специалистам и рабочим выдавались увольнительные билеты[2].

Мобилизация в Красноярске
Лето 1904 г.

На первом этапе войны командование намеревалось ограничиться мобилизацией корпусов Сибирского военного округа (СибВО) и Приамурского военного округа общей численностью 97 тыс. человек, учитывая быструю возможность их переброски к театру военных действий (ТВД), затем рассчитывая пополнять армию из внутренних российских корпусов. В СибВО (самый обширный в Российской империи) входили Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Якутская области[3]. На территории округа находились две Сибирские резервные бригады. Ещё в феврале 1901 года в Иркутске было создано Управление 2-й пехотной Сибирской бригады, в состав которой вошли Иркутский, Красноярский, Енисейский, Томский резервные батальоны. К 1 апреля бригаду переименовали во 2-ю Сибирскую резервную пехотную бригаду, батальоны получили номера: 5-й Иркутский, 6-й Енисейский, 7-й Красноярский, 8-й Томский. В 1904 году, с первых дней войны, были развёрнуты: бригада — во 2-ю Сибирскую пехотную дивизию двухбригадного состава, батальоны — в полки, по два в каждой бригаде[4]. В Иркутске сформировался 6-й Енисейский сибирский пехотный полк. После торжественного молебствия и освещения знамени 25 апреля на Тихвинской площади города, 7 августа полк отправится на ТВД[5].

Ещё 24 января вышли приказы СибВО о переводе на военное положение его войск и учреждений, доведении до полных военных составов тыловых частей; призыве на действительную военную службу нижних чинов запаса армии и флота, мобилизации офицеров запаса для укомплектования войск округа; приобретении «потребного для пополнения войск» числа лошадей. А уже 19 июля высочайшим повелением на время военных действий были предоставлены особые полномочия командующему войсками округа и начальникам жандармских и полицейских управлений Сибирской и Забайкальской железных дорог[6].

В Сибири были мобилизованы запасные нижние чины преимущественно старого призыва. Призывной возраст в России начинался с 21 года, запасные — это люди в возрасте 35—40 лет, т.е. солдаты-старослужащие. Во время войны до 80, а то и до 90 проц. некоторых дивизий на Дальнем Востоке составляли люди от сохи. Офицер действующей армии, доброволец А.А. Рябинин, почти всю войну прошедший с 7-м Красноярским сибирским пехотным полком, вспоминал: «Надо отдать

* Все даты в статье даны по старому стилю.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1922—1941 гг.

Аннотация. *В статье изложены результаты анализа разведывательной деятельности советских органов государственной безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 гг.*
Ключевые слова: *Дальний Восток; разведка; органы государственной безопасности; полномочное представительство Государственного политического управления по Дальневосточной области; разведывательные подразделения управлений НКВД.*

Summary. *The article presents the analysis of intelligence activities of the Soviet agencies of state security in the Far East in 1922—1941.*
Keywords: *Far East; intelligence; state security organs; plenipotentiary representation of the State Political Administration of the Far Eastern Region; intelligence subunits of the NKVD's Administrations.*

ЗАДАЧИ разведки в иностранных государствах были сформулированы в утверждённом председателем Государственного политического управления Ф.Э. Дзержинским 28 ноября 1922 года Положении о закордонном отделении иностранного отдела (ИНО) ГПУ.

Полномочное представительство (ПП) ГПУ по Дальневосточной области приступило к созданию иностранного отделения (Ино) ПП ГПУ ДВО в ноябре 1922 года. К 1 декабря 1922 года были составлены и направлены в Москву первые 13 обобщённых сводок Ино. С того же времени десятидневные сводки стали направляться в ИНО ГПУ регулярно. В том же году была создана первая резидентура Ино ПП ГПУ ДВО в Маньчжурии. Резидентом в Харбин, избранный местом дислокации резидентуры ввиду сосредоточения здесь российской эмиграции, был назначен И.И. Ангарский (Жидовкин), который по решению Дальбюро ЦК РКП(б) с декабря 1921 года занимал должность заведующего иностранной информацией при особо уполномоченном МИД ДВР в полосе отчуждения КВЖД Э.К. Кистер-Озарнине[1].

Начальником Ино ПП ГПУ ДВО в марте 1923 года была назначена В.Н. Чибисова. В своей работе Ино руководствовалось приказами ГПУ, разработанными самостоятельно Положением об Иностранном отделении и инструкцией к нему от 15 января 1923 года, которые были разосланы в губернские отделы ГПУ.

На деятельности Ино отражалось отсутствие секретаря, специалистов по анализу зарубежной прессы и составлению обзоров, переводчиков с китайского, японского и английского языков. Но вопреки трудностям число разработок Ино неуклонно росло. К 1 марта 1923 года их было 47, 1 мая — 52, 1 июня — 65.

В июне 1923 года из Москвы в Харбин для создания резидентуры ИНО ГПУ и разведотдела Штаба РККА прибыл Б.Н. Мельников[2]. Он стал сотрудником управления уполномоченного НКИД РСФСР в Харбине, И.И. Ангарский — его заместителем.

В декабре 1923 года в ответ на запрос полномочного представителя ГПУ в ДВО А.П. Альпова заместитель председателя ГПУ Г.Г. Ягода и начальник ИНО ГПУ М.А. Трилиссер разъяснили, что в Харбине создана самостоятельная резидентура, подчинённая ИНО ГПУ, зоной её оперативной ответственности определены три восточные провинции Китая. Полпредству предписывалось передать Мельникову всю закордонную агентуру в полосе отчуждения КВЖД и трёх провинциях, а также все линии связи. На ПП ГПУ ДВО возлагалась разведка в приграничной полосе Китая.

В июне 1923 года были объявлены новые, почти на 50 проц. сокращённые штаты органов безопасности в Дальневосточной области. Иностранное отделение полпредства было реорганизовано в особую группу по закордонной работе контрразведывательного отделения (Кро) ПП ОГПУ ДВО. После отъезда В.Н. Чибисовой в Москву в июне того же года в этой группе работали один уполномоченный А.Г. Канарейкин и два технических работника.

В 1923 году Кро ПП ГПУ ДВО создало три резидентуры. Резидентуру № 1 возглавил секретарь консульства СССР в г. Маньчжурия В.А. Нейман, который ранее был там же резидентом разведотдела штаба 5-й армии и Ино ПП ГПУ ДВО. Районом деятельности резидентуры № 1 были города Маньчжурия и Хайлар (там находился помощник резидента), железнодорожная линия от Маньчжурии до Бухэду с окрестностями. Резидентом резидентуры № 2 стал консул СССР в г. Пограничная В.В. Смирнов. Районом её деятельности были ст. Пограничная и железнодорожная линия до ст. Шитохецзы, а резидентуры № 3 — г. Сахалян.

В апреле 1924 года особая группа по закордонной работе Кро ПП ОГПУ ДВО была упразднена, организация разведдеятельности была возложена на одного из уполномоченных Кро полпредства.

Во второй половине 1920-х годов внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке значительно осложнилась. В марте 1928 года в соответствии с приказом ОГПУ Кро полпредства было реорганизовано в отдел (КРО) из трёх отделений. Организацией разведдеятельности по-прежнему занимался один из уполномоченных КРО. Он едва справлялся с технической работой. Дел на белоэмигрантские и иностранные объекты не велось, попадавшие в поле зрения органов безопасности лица не учитывались. Сводки резидентур расходились по отделениям КРО и в периферийные органы безопасности в подлинниках, контроля их реализации не было. Обобщающие материалы (спецсводки, обзоры и пр.) не готовились. Трудоёмкую работу по технической обработке материалов проводил один лаборант техстола КРО.

В 1927 году после того, как китайские власти устроили обыск в помещениях военного атташата полпредства СССР в Пекине

МИССИЯ В КАНДЖУТ

Памирские экспедиции Б.Л. Громбчевского в Большой игре

Аннотация. *Автор освещает памирские экспедиции офицера русской армии Б.Л. Громбчевского, который внёс значительный вклад в исследование Центральной Азии и упрочение там позиций России.*
Ключевые слова: *Б.Л. Громбчевский; Центральная Азия; Памир; Большая игра; Россия; Великобритания.*

Summary. *The author highlights the Pamir expeditions of the Russian army officer B.L. Grombchevsky, who has made a significant contribution to the study of Central Asia and strengthening of Russia's positions there.*
Keywords: *B.L. Grombchevsky; Central Asia; the Pamirs; Big Game; Russia; Great Britain.*

БОЛЬШАЯ игра — соперничество России и Великобритании в Центральной Азии в XIX — начале XX века — яркий эпизод в истории международных отношений. Нас по-прежнему волнуют острые перипетии противостояния великих держав, славные дела легендарных путешественников, дипломатов и разведчиков. Один из них — Бронислав Людвигович Громбчевский, прославившийся своими памирскими экспедициями. В советское время о нём вспоминали реже, чем о Н.М. Пржевальском, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Г.Н. Потанине, В.А. Обручеве и других землепроходцах, хотя вклад Громбчевского в исследование Центральной Азии и упрочение там российских позиций не менее значителен. Возможно, причиной было его участие в Гражданской войне на стороне белых и эмиграция. В последние десятилетия историки чаще вспоминают о Громбчевском, но многое о его жизни и деятельности ещё предстоит узнать.

Он был патриотом России (чему не мешало его польское происхождение), одним из немалого числа сынов Речи Посполитой, писателей, поэтов и мыслителей, которые честно служили государству Российскому, приумножали его богатство и славу.

Громбчевский родился в 1855 году в семейном поместье Крепшты в Ковенской губернии. Его отец участвовал в восстании 1863 года и был сослан в Сибирь. Вернулся больным чахоткой и вскоре умер. На имущество семьи наложили секвестр, пришлось переехать в Варшаву. Там Громбчевский учился в гимназии, затем поступил в Горный институт в Петербурге, но гражданская профессия его не привлекала. Не завершив обучение, в 1873 году поступил в лейб-гвардии Кексгольмский гренадерский полк и в 1875 году сдал экзамен на первый офицерский чин. Но в гвардии ему остаться не удалось (не хватало средств), и в 1876 году подпоручик по своей просьбе получил назначение в штаб Туркестанского военного округа. На решение отправиться в Среднюю Азию повлияла клятва отцу: ничего не делать во вред Польше, и если нести военную службу, то подальше от родного края, чтобы не пришлось участвовать в подавлении очередного восстания.

В то время Российская империя, пережив неудачи Крымской войны, активизировала свою внешнюю политику, в том числе в Средней Азии, что встретило резкое противодействие Великобритании и дряхлевшего Китая. Обе державы часто координировали свои действия, нацеленные против России. Главными в этой связке, несомненно, были англичане. Не сумев воспрепятствовать «среднеазиатскому маршу» русских, Лондон озаботился проблемой безопасности своих индийских владений и прилагал максимум усилий, чтобы не пустить Россию дальше на юг.

Одним из источников напряжённости в российско-английских отношениях была ситуация в Афганистане. Подталкиваемые англичанами афганцы постоянно устраивали вооружённые провокации на границе. В 1885 году дело дошло до крупного столкновения, в результате которого афганские части были наголову разбиты. После этого центр тяжести Большой игры сместился на северо-восток в сторону Памира. Господство над ним открывало возможности для распространения влияния на Восточный Туркестан (Кашгарию) и позволяло приблизиться к Индии со стороны Средней Азии.

Б.Л. Громбчевский

На севере Памир граничил с занятой русскими Ферганской областью, а на юге соприкасался с принадлежавшим англичанам Кашмиром. Своеобразным буфером между Россией и Англией служили расположенные на южных склонах Гиндукуша припамирские ханства (эмираты) Вахан, Шугнан, Рошан и некоторые другие «княжества», включая Читрал, Нагар и Канджут[1]. Эти крохотные деспотии больше всего были озабочены сохранением своей относительной самостоятельности, зависевшей от «правильного» выбора покровителя — великой державы. Тамошние жители и их правители всё чаще обращали взоры к России. Они устали от мздоимства китайских чиновников, произвола и жестокости афганцев, действовавших с подачи англичан, и надеялись, что под властью «Великого Белого царя» им будет легче сберечь свои культуру, традиции и обычаи.

В 1883 году англичане дали «отмашку» своему ставленнику афганскому эмиру Абдур Рахман-хану на захват Вахана,

«ОТ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ОСВОБОДИТЬ»

Борьба с преступностью в Выборгском гарнизоне в начале XVIII века

Аннотация. *В статье на основе архивных материалов анализируется характер преступлений и дисциплинарных проступков, совершённых офицерами Выборгского гарнизона (1710—1730 гг.).*
Ключевые слова: *Выборг; гарнизон; офицерский корпус; преступность; судебные приговоры.*

Summary. *This paper based on archival materials analyzes the nature of the crimes and misconduct committed by officers of the Vyborg Garrison (1710—1730).*
Keywords: *Vyborg; garrison; officer corps; crime; court judgments.*

Взятие Выборга российскими войсками 12 июня 1710 года было одним из основных событий Северной войны (1700—1721 гг.). Детальному описанию перипетий военных операций под Выборгской крепостью посвящено немало страниц в работах российских историков[1], поскольку важность этого форпоста на северных рубежах России (Карельский перешеек) и ключевого пункта обороны Санкт-Петербурга сложно переоценить. Вместе с тем те же научные труды оставляют вне поля зрения политику царского правительства в этом регионе в последующие годы, как будто он по окончании Русско-шведской войны потерял свою значимость[2]. Отрывочные сведения о численности гарнизонных полков, которые стояли на страже российских интересов на столь важном участке порубежья[3], не дают целостного представления о проблеме. В предлагаемой читателям «Военно-исторического журнала» статье делается попытка заполнить этот пробел.

НАЧИНАЯ с 1713 года численность трёх полков Выборгского гарнизона составляла когда 2,5, когда 3,5 тыс. человек. Так, в 1717-м в них служили 2666[4], а более двадцати лет спустя (1739 г.) — 3783 офицера и солдата[5]. Поскольку именно военное сословие являлось главным гарантом поддержания внутреннего порядка в крепости и организации своевременного отпора внешнему врагу, то на командующего местными гарнизонными войсками были возложены и обязанности главы Выборгской провинции. Первым её обер-комендантом (1719 г.) стал полковник И.М. Шувалов[6].

Вместе с тем при всём стратегическом значении порубежного пункта сюда на военную службу направляли отнюдь не отборные воинские части, и гарнизон комплектовался на основании общих для российской армии того времени принципов. Вследствие этого третью часть каждого местного полка составляли рекруты, направленные в Выборг для общего обучения и приобретения первичных практических навыков. Но не каждый из них мог успешно и безропотно осваивать сложную для новобранца «науку побеждать», подчиняться повседневным строгим требованиям. Естественно, случались всевозможные недоразумения, инциденты, нарушения, носителями которых являлись не только подчинённые, но и командиры, допускавшие зафиксированные в материалах военно-судебных дел злоупотребления властью и растрату материальных ценностей[7]. Уже в самых ранних из дошедших до нас источниках по истории Выборгского гарнизона встречаются указания на подобные преступления, совершённые офицерами. Именно их исследование выявило характерные черты в системе функционирования местных и центральных судебных институтов.

Первые сведения о случавшихся здесь правонарушениях, которые удалось выявить, относятся к 1718 году. Как следует из доноса «полкового писаря Андрея Иванова сына Пушкарёва», нормой гарнизонного быта в конце 1710-х годов стали хищения полкового имущества местными штаб-офицерами, уведомление о которых было подано 14 декабря 1718 года. Располагая данными о преступлениях офицеров «Неёлова полка» (с 1727 г. стал именоваться Карельским), в частности «подполковника Алексея Васильева сына Ступишина, премьер-майора Ивана Михайлова сына Лаврова, Майора Афонасия Семенова сына Бешенцова», а также «бывшего командующего полком полковника Матвея Неклюдова», писарь подробно изложил всё, что ему было известно[8]. Так, он обвинил А.В. Ступишина в систематических хищениях денег, вырученных от продажи мундирного сукна, длившихся в течение шести лет. Таких эпизодов с «раскрытием схемы» действий нечистого на руку офицера значилось семь. Из них следовало, что готовое обмундирование или сукно, поставлявшееся в Выборг, продавалось служащим за часть их жалованья. Впрочем, это допускалось законом, но при условии если деньги передавались в полковую казну. Однако, как правило, они шли на личные расходы подполковника. То же самое происходило и после продажи остатков материи местным обывателям. Сумма похищенного А.В. Ступишиным превышала годовое жалованье (согласно нормам воинского штата 1711 г. — 100 рублей)[9] подполковника гарнизонного полка Санкт-Петербургской губернии. Кроме того, Неклюдов, Ступишин и Бешенцов раздавали мундирные кафтаны своим денщикам, не взимая с них платы.

Обвинения, выдвинутые против премьер-майора того же полка И.М. Лаврова, тоже были серьёзными. По свидетельству А.И. Пушкарёва, этот «злоумышленник» прибегал к наказанию унтер-офицеров и рядовых «у себя на квартире, не объявя при ротах их вины»; освободил от служебных обязанностей нескольких писарей,

«ГРЯЗЕВОЙ» ПОХОД КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА НА СМОЛЕНСК В 1502 ГОДУ

Аннотация. *В статье представлена история первой попытки московских великих князей отвоевать у Великого княжества Литовского Смоленск. Русский государь Иван III в ходе Русско-литовской войны 1500—1503 гг. отправил своего сына Дмитрия Ивановича во главе более чем 20-тысячного войска с многочисленной артиллерией для осады Смоленска. Хотя русские войска не сумели выполнить задачу и отступили, неудача позволила русским воеводам получить необходимый опыт борьбы за столь мощную крепость, выработать новую тактику и стратегию ведения осадной войны и взять Смоленск спустя 12 лет.*

Ключевые слова: *осада Смоленска 1502 г.; Великое княжество Литовское; Иван III; князь Дмитрий Иванович.*

Summary. *The article presents the history of the first attempts of the Moscow Grand Dukes to win back the city of Smolensk from the Grand Duchy of Lithuania. Russian Tsar Ivan III during the Russian-Lithuanian War of 1500—1503 sent his son Dmitry Ivanovich with more than 20-thousand troops with numerous artillery for sieging Smolensk. Although Russian forces failed to accomplish the task and retreated, the failure allowed Russian battlemasters to get the necessary experience in fighting for such a strong fortress, to develop new tactics and strategy of siege war, and to take Smolensk 12 years later.*

Keywords: *siege of Smolensk in 1502; the Grand Duchy of Lithuania; Ivan III; Prince Dmitry Ivanovich.*

В ИСТОРИИ отношений России и Великого княжества Литовского (позднее Речи Посполитой) борьба за Смоленск была одной из самых ярких страниц. Город по праву именовался «ключом Москвы», но мог бы называться и «ключом Вильно», как писал отечественный историк Ю.Г. Алексеев. Смоленск прикрывал «путь на Витебск — Полоцк и на Оршу — Минск — Вильно. В то же время район Смоленска мог быть использован литовской стороной для наступления в направлениях Вязьма — Можайск — Малоярославец и Великие Луки — Ржев»[1]. Обе стороны это прекрасно понимали, и потому отнюдь не случайно московские послы весной 1504 года в ходе переговоров о заключении «Вечного мира» заявили, что прочному миру между двумя государствами не бывать до тех пор, пока под властью литовских князей будут оставаться «вся Русская земля, Киев, и Смоленеск, и иные городы». Они, по мнению московских дипломатов, «с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»[2]. Обращает на себя внимание тот факт, что Смоленск московские послы поставили в списке городов на второе место после «матери городов русских»!

Особенную остроту «смоленский вопрос» приобрёл в начале XVI века. К этому времени Иван III в ходе конфликта с Великим княжеством Литовским сумел отвоевать у него значительные территории в верховьях Угры, Жиздры и Оки и окончательно определился со своей позицией в отношении русских земель, вошедших в состав Великого княжества Литовского. Следующим на очереди был Смоленск. Однако отвоёвывания этого важного в политическом, экономическом и стратегическом отношениях города пришлось ждать довольно долго.

Русско-литовская война между двумя государствами-соперниками за доминирование в Восточной Европе началась после того, как весной 1500 года Иван III удовлетворил челобитье двух пограничных северских князей Семёна Можайского и Василия Шемячича о переходе их на службу московскому великому князю «и с вотчинами». Поначалу она развивалась для литовцев чрезвычайно неудачно. Посланный на помощь челобитчикам московский воевода Яков Захарьич Кошкин «со многими людми» с налёту взял Брянск[3], после чего направился к югу, во владения мятежных князей, привёл их к присяге на верность новому господину и вместе с ними взял Путивль[4]. Другая русская рать под началом брата Якова Захарьича — Юрия двинулась на Дорогобуж, который вскоре также был взят. Обеспокоенный успехами русских войск, великий князь литовский Александр Казимирович «посла на Юрия Захарьича воевод своих, многых панов и гетманов, со многими людми»[5]. Под Дорогобужем, на реке Ведроши, и состоялась встреча литовского войска во главе с гетманом князем К.И. Острожским, полков Юрия Захарьича и прибывшего к нему на помощь с «тверскою силою» воеводы великого князя Д.В. Щени[6]. Эта встреча закончилась полным разгромом литовского войска, пленением самого гетмана и многих литовских «начальных людей» и рядовых воинов 14 июля* 1500 года[7]. Говоря о значении этой битвы, имперский дипломат Сигизмунд Герберштейн в своих записках о пребывании в Московии отмечал, что «одним сражением и за один год московит (Иван III. — **В.П.**) достиг того, чего великий князь литовский Витольд добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями»[8].

Александр Казимирович
Рисунок Я. Матейко

С такой оценкой итогов сражения можно соглашаться, как это сделал, к примеру, Ю.Г. Алексеев, можно не соглашаться, как Н.С. Голицын[9], но на судьбе Смоленска, который при любом раскладе был одной из важнейших целей этой войны, поражение войска К. Острожского на Ведроши никак не сказалось. Действия Ивана III после этой победы оставляют впечатление некоей растерянности: великий князь не ожидал такого успеха и оказался не готов мгновенно развить его, бросить свои полки на Смоленск и попытаться взять его быстро, пользуясь тем замешательством и растерянностью, что охватили литовцев после разгрома рати князя Острожского. Возможно, Иван III, зная о мощи смоленских укреплений, решил действовать наверняка, основательно подготовиться и лишь потом приступить к Смоленску. Во всяком случае 29 сентября он отпра-

* Здесь и далее все даты даны по старому стилю.